

В. А. ВИКТОРОВИЧ

1. «Г-Н —БОВ И ВОПРОС ОБ ИСКУССТВЕ»

Указанная статья — программное выступление Достоевского, выражение его эстетического кредо. Он полемизирует сразу с обоими основными направлениями современной критики искусства: «эстетическим» и «утилитарным». Замечателен сам характер полемики. Так, споря с Добролюбовым, Достоевский одновременно усваивал все то ценное, что было у противника.¹ Те же принципы и методы ведения литературной борьбы Достоевский применил и в отношении к «эстетикам»: оспорив их некоторую надмирность и самоуспокоенность, он в то же время прекрасно усвоил все ценное, что вносила так называемая теория искусства для искусства в русскую эстетику — традиции кантовского понимания «бесполезности—полезности» красоты.

В статье Достоевского есть отчетливые следы чтения А. В. Дружинина и В. П. Боткина, не отмеченные еще комментаторами и исследователями. Приведем лишь некоторые, наиболее значимые для формирования эстетической концепции писателя.

А. В. Дружинин. «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (Библиотека для чтения. 1856. № 11).

«...Гомер есть учитель всего рода человеческого, Александр Македонский возил „Илиаду“ во все свои походы, и через тысячу лет великие люди следующего тысячелетия станут плакать над „Илиадою“, учиться из „Илиады“».

Гомер не учит нас ничему — а чему нельзя выучиться из Гомера? (...) О женщине, о значении женщины, об отношениях мужа

Ф. М. Достоевский. «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (Время. 1861. № 2)

«...как, например, вы определите, вымеряете и взвесите, какую пользу принесла всему человечеству „Илиада“? Где, когда, в каких случаях она была полезна, чем, наконец, какое именно влияние она имела на такие-то народы, в такой-то момент их развития (...) Правда, красота всегда полезна (...) а ну-ка, если „Илиада“ полезнее сочинений Марка Вовчка, да не только прежде,

¹ Об этом нам уже приходилось писать, см.: *Викторович В. А. Добролюбов и Достоевский: диалог о русской литературе // Добролюбов и русская критика. М., 1988.* Заметим к слову, что данная статья с некоторыми сокращениями была перепечатана почему-то под другой фамилией: *Бозоров Р. Дж. Диалог о русской литературе: Добролюбов и Достоевский // Писатели как критики. Душанбе, 1990.*

и жены в последние тридцать лет сочинена была целая дидактическая библиотека. Каждый из поэтов и особенно каждая из женщин-писательниц имеют право думать, что на этот счет они достаточно просветили своих современников. Гомер, конечно, не мог иметь в виду подобного рода предметов, но он написал прощание Гектора с Андромахой. Это две страницы (...), конечно, принесли всякому человеку и всякой женщине более прямой пользы, нежели целый океан дидактических умствований. (...) В них красота, добро и правда». ²

а даже теперь, при современных вопросах; полезнее как способ достижения (...) этих же самых вопросов, разрешения настоящих задач? Ведь и теперь от „Илиады“ проходит трепет по душе человека. (...) Наш дух теперь наиболее восприимчив, влияние красоты, гармонии и силы может величаво и благодетельно подействовать на него, *полезно подействовать...*» (18, 95—96).

Пolemический ход мысли Достоевского («даже теперь, при современных вопросах», красота полезна «как способ достижения (...) этих же самых вопросов») повторял уже известный оборот в той же статье Дружинина: «даже для поучения современников, для их прямой и практической пользы одна страница, писанная веймарским исполином (*Гете*. — В. В.), значит более, нежели все труды (...) дидактических школ». ³

Позднее этот понравившийся ему poleмический прием Достоевский повторяет в статье «По поводу выставки» в «Дневнике писателя» 1873 г., теперь уже poleмизируя с наследником Добролюбова — Н. К. Михайловским: «Поверит ли один милый критик (...) что всякое художественное произведение без предвзятого направления, исполненное единственно из художнической потребности, и даже на сюжет совсем посторонний, совсем и не намекающий на что-нибудь „направительное“, — поверит ли этот критик, что такое произведение окажется гораздо полезнее для *его же целей*, чем, например, все песни о рубашке...» (21, 72, комментарий — 427). По иронии судьбы Михайловский обратился за поддержкой все к той же дидактической «Песне о рубашке» Т. Гуда, поднятой на щит «Современником» в 1860—1861 гг., а еще в 1856 г. критически оцененной с позиции «вечного искусства» все тем же Дружининым. ⁴ Достоевскому — вольно или невольно — пришлось примкнуть к дружининской оценке.

В 1857 г. (Современник. № 1) основные положения эстетической школы были изложены в статье В. П. Боткина «Стихотворения А. А. Фета». Здесь мы находим вариации на знакомые уже темы: «...произведение искусства, если оно, волнуя или трогая наши сердца, приносит нам духовные наслаждения, — то тем самым, именно фактической действительностию производимых им ощущений, входит оно в практику нашей жизни, становится действующим ее элементом и часто оказывает несравненно большее и глубочайшее практическое действие, нежели тысячи явлений, по привычке называемых практически». ⁵

² Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983. С. 151—152.

³ Там же С. 156. Несомненно, эта мысль Дружинина в свою очередь восходит к статье В. Г. Белинского «Менцель, критик Гете».

⁴ Дружинин А. В. Литературная критика. С. 149.

⁵ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 195.

Достоевский, вне всякого сомнения, читал эту статью. Излагая общие идеи «партии защитников свободы и полной неподчиненности искусства» (18, 74), он делает это достаточно близко к тому месту статьи Боткина, где автор формулирует «теорию свободного творчества». ⁶ Достоевский: «Творчество (...) есть цельное органическое свойство человеческой природы (...) необходимая принадлежность человеческого духа» (Там же); Боткин: «Это та же творческая сила природы, только перенесенная в душу человеческую». ⁷

Достоевский не приемлет обозначившуюся узость эстетической школы, ограничивающей искусство «только вечными началами», особенно чужд ему боткинский сенсуализм, грозящий перейти в гедонистическое созерцание («прокисаем в наслаждении искусством» — 18, 96), и при этом он не забывает подобрать все ценное, по меткому замечанию И. С. Тургенева, рассыпанное щедрой рукой ⁸ в этой статье. Так, не прошла мимо него замечательная апелляция к Красоте, развернутая на нескольких страницах боткинской статьи (ср.: 18, 96). Развивая свою идею Красоты как идеала, Достоевский, опять же следом за Боткиным (а тот в свою очередь за Дружининым), обращается к стихотворению Фета «Диана».

Боткин

«Признаемся, мы не знаем ни одного произведения, где бы это эхо исчезнувшего, невозвратного языческого мира отзывалось с такой горячностью и звучностью, как в этом идеальном, воздушном образе строгой, девственной Дианы...» ⁹

Достоевский

«...мы ничего не знаем более сильного, более жизненного во всей нашей русской поэзии. Это отжившее прежде, воскресающее через две тысячи лет в душе поэта, воскресающее с такою силою, что он ждет и верит, в молении и энтузиазме, что богиня сейчас сойдет с пьедестала...» (18, 97).

В формулировке основной идеи статьи Достоевского (слова, выделенные автором курсивом и идущие сразу после разбора «Дианы») также, как нам кажется, звучат отголоски боткинского «катехизиса поэзии» (так назвал его статью Л. Н. Толстой):

Боткин

«Искусство всегда и везде было выражением душевной, внутренней жизни человека, а через то и общества...» ¹⁰

Достоевский

«Искусство всегда современно и действительно, никогда не существовало иначе и, главное, не может иначе существовать» (18, 98).

Приведенные параллели (впрочем, их можно умножить) говорят о методах и приемах литературно-критической деятельности Достоевского. Хотя, на наш взгляд, вопрос может быть поставлен и шире: о творчестве как сотворчестве у Достоевского. Впрочем, это уже выходит за рамки данной заметки, имеющей задачу дополнить существующие комментарии к программной статье Достоевского.

⁶ Там же. С. 202.

⁷ Там же. С. 203.

⁸ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961 Т. 3. С. 92.

⁹ *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. С. 222.

¹⁰ Там же. С. 196.

2. «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» 1876 г. ЯНВАРЬ

В первом выпуске «Дневника писателя» 1876 г. есть небольшой эпизод, относящийся к важнейшей для позднего Достоевского теме современного деятеля.

«...вы, господа романисты, все ищите героев, — сказал мне на днях один выдавший виды человек, и, не находя у нас героев, сердитесь и брюзжите на всю Россию, а вот я вам расскажу один анекдот: жил-был один чиновник, давно уже, в царствование покойного государя, сперва служил в Петербурге, а потом, кажется, в Киеве, там и умер, — вот, по-видимому, и вся его биография. А между тем, что бы вы думали: этот скромный и молчаливый человек до того страдал душой всю жизнь свою о крепостном состоянии людей, о том, что у нас человек, образ и подобие Божие, так рабски зависит от такого же, как сам, человека, что стал копить из скромнейшего своего жалованья, отказывая себе, жене и детям почти в необходимом, и по мере накопления выкупал на волю какого-нибудь крепостного у помещика, — в десять лет по одному, разумеется. Во всю жизнь свою он выкупил таким образом трех-четыре человека и, когда помер, семье ничего не оставил. Все это произошло безвестно, тихо, глухо. Конечно, какой это герой: это „идеалист сороковых годов” и только, даже, может быть, смешной, неумелый, ибо думал, что одним мельчайшим частным случаем может побороть всю беду; но все-таки можно бы, кажется, нашим Потугиным быть добрее к России и не бросать в нее за все про все грязью» (22, 25).

Далее автор «Дневника писателя» уверяет, что «не имеет поводов сомневаться в достоверности» услышанного «анекдота», хотя так и не называет имени чудака, не совсем, впрочем, безвестного в России.

Это — Дмитрий Петрович Журавский (1810—1856), один из первых замечательных русских ученых-статистиков.¹¹ Окончив в 1829 г. Петербургский кадетский корпус, он работал под началом М. М. Сперанского, управлял имениями Нарышкина в Саратовской губернии, а в 1845 г. переехал в Киев, где служил чиновником особых поручений при генерал-губернаторе, был ученым секретарем статистической комиссии при киевском университете. Его труды по статистике России поражали немногочисленных читателей не только энциклопедической полнотой и точностью, но и «живой мыслью», они были «согреты теплым побуждением», как писал о нем Ю. Ф. Самарин.¹² Именно из воспоминаний Самарина, опубликованных после смерти Журавского и стало известно о филантропической затее покойного — о выкупе им на свободу, в течение всей жизни, более десяти семейств крепостных дворовых людей: «...не имея средств сделать (...) что-нибудь общепольное, он работал для той же цели (освобождение крестьян. — В. В.) в частности».¹³ Журавский, будучи человеком малоимущим, отказывал себе в самом необходимом, а в завещании указал, что по смерти жены

¹¹ См.: Птуха М. В. Д. П. Журавский. Жизнь, труды, статистическая деятельность. М., 1951

¹² Самарин Ю. Воспоминание о Дмитрие Петровиче Журавском. Письмо к редактору «Русской беседы» // Русская беседа 1857 Кн. 6. Биография С 9

¹³ Там же. С. 15.

оставшееся имущество должно быть использовано на те же цели (он разработал проект общества для выкупа и устройства дворовых людей).

На следующий год после смерти Журавского краткий некролог с указанием этих фактов был помещен в «Месяцеслове на 1858 год» (СПб., 1857. С. 250), а затем, как водится, о «скромном труженике» забыли. Лишь на рубеже 1860—1870-х гг. о нем вспомнил Н. С. Лесков, знавший Журавского в киевскую пору его жизни. Лесков посвятил ему одну из «Русских общественных заметок»,¹⁴ несколько колоритных страниц в хронике «Захудалый род»,¹⁵ опубликованной в 1874 г. и тогда же прочитанной Достоевским. Лесков неоднократно затем обращался к фигуре «известного русского аболициониста»,¹⁶ пытался сделать его действительно известным русскому читателю и с этой целью подготовил к печати собрание его писем со своими комментариями, однако объемистая рукопись была отвергнута всеми журналами, в которые обращался Лесков. Историю своих безуспешных попыток он рассказал в письме к И. С. Аксакову 23 декабря 1874 г.: «Земля русская дала бедняку Журавскому три аршина, а русская литература не хочет дать трех листов для того, чтобы сберець самые задушевные слова превосходнейшего из людей».¹⁷

Скорее всего, именно адресат Лескова, И. С. Аксаков, принявший участие в «воскресительных» хлопотах Лескова в 1875 г., и был тем «видавшим виды человеком», рассказавшим Достоевскому о Журавском в конце того же 1875 г. или в начале 1876 г. Его, Аксакова, выдают и выводы, сделанные из «анекдота»: «...можно бы, кажется, нашим Потугиным быть подобрее к России...».

Достоевский не мог не солидаризироваться с этим суждением, однако его собственный комментарий к «анекдоту» акцентировал и несколько иной смысл: «Я ужасно люблю этот комический тип маленьких человечков, серьезно воображающих, что они своим микроскопическим действием и упорством в состоянии помочь общему делу, не дожидаясь общего подъема и почина» (22, 25). В этом контексте герой анекдота, предшественниками коего были «древние подвижники и проповедники Евангелия, которые ходили наги и босы, претерпевали побои и страдания и проповедовали Христа без прибавки жалованья» (22, 24), в творчестве Достоевского продолжает ряд, начатый доктором Ф. П. Гаазом, творившим «единичное добро» (8, 335). Вскоре ту же тему продолжит автор «Дневника писателя» в рассказе о минском докторе Гинденбурге (25, 90—92).

Собиратель этих анекдотов, «единичных случаев», Достоевский верил, что в них проявляет себя великая идея, не угасающая в человечестве несмотря ни на какие «времена».

¹⁴ Биржевые ведомости 1869. 7 сент. № 242.

¹⁵ Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. М., 1957 Т. 5. С. 161—165.

¹⁶ Там же. Т. 8. С. 463. В автобиографической заметке писатель признавался, что Журавский оказал на него влияние в юности (Там же. Т. 11. С. 17).

¹⁷ Там же. Т. 10. С. 371—372. Ныне рукопись, подготовленная Лесковым, хранится в РГАЛИ.